

БЕЗ ПРАВА — НА — “ПОТОМ”

РОМАН О ВРЕМЕНИ,
КОТОРОЕ УХОДИТ ТИШЕ,
ЧЕМ МОЛЧАНИЕ

— ВИКТОРИЯ ЭЛЬ —

Виктория Эль

Без права на "ПОТОМ"

«Автор»

2026

Эль В.

Без права на "ПОТОМ" / В. Эль — «Автор», 2026

Обычное утро. Обычный маршрут. Обычные люди, каждый из которых куда-то спешит. У каждого из них есть свои планы, свои страхи, свои несказанные слова и своё "потом". Но иногда одна дорога способна изменить гораздо больше, чем кажется. А что, если бы вам сказали, что времени осталось гораздо меньше, чем вы думаете? Что бы вы сделали? Кому бы позвонили? О чём бы наконец решились сказать? "Без права на "ПОТОМ"" — это атмосферная история о каждом из нас. О жизни, которую мы откладываем. О людях, которые верят, что ещё успеют. И о том, что однажды может оказаться слишком поздно для слова "потом".

© Эль В., 2026

© Автор, 2026

Виктория Эль

Без права на "ПОТОМ"

Глава

1

Утро было влажным и тяжёлым, как будто город ещё не решил, стоит ли ему начинать день или можно немного задержаться в полусне.

Асфальт у остановки блестел после ночного дождя. В лужах плавали обрывки города: вывески, куски неба, свет фар. Кто-то рядом зевнул слишком громко, и звук повис в сыром воздухе, как случайная мысль.

Пахло мокрым бетоном, бензином и тёплым тестом из пекарни за углом. Там уже открыли дверь, и горячий пар лениво смешивался с холодным воздухом улицы. Всё это не складывалось в гармонию. Просто существовало рядом.

Автобус стоял у обочины, глухо урча.

Не как техника.

Как живое, уставшее существо, которое давно перестало считать дни и просто привыкло каждое утро быть здесь.

Стекло на передней двери было покрыто мелкими каплями. Грязная вода, оставленная дворниками, медленно ползла вниз, размазывая город до неузнаваемости.

Борис не сразу повернул ключ.

Он сидел так, будто слушал не двигатель.

Утро.

Руки были в мазуте. Под ногтями въелась чёрная полоска, которую уже не брали ни горячая вода, ни щётка. Иногда ему казалось, что это вовсе не грязь, а сама дорога осталась жить в его ладонях.

Он привычно наклонился вперёд и прислушался.

Так врач прислушивается к дыханию человека.

За столько лет он научился различать настроение двигателя раньше, чем собственное.

По вечерам знакомые спрашивали, не надоело ли ему после смены ещё возиться с автобусом.

Он всегда отвечал одинаково:

— Да что там... подлечить немного.

Хотя сам давно понимал, что не чинит его.

Лечит.

Он медленно провёл ладонью по панели.

Металл был прохладный, чуть влажный после ночной сырости.

— Ну что, старик... поехали.

Он сказал это так, как здороваются с тем, кого знаешь слишком долго, чтобы объяснять лишнее.

Автобус едва заметно дрогнул, тяжело вдохнул воздух и медленно тронулся с места.

Как человек, которому совсем не хочется вставать.

Но уже поздно оставаться.

Первая вошла Алина.

Она всегда входила так, будто пространство может возразить.

Рюкзак был прижат к груди слишком крепко — не потому, что тяжёлый, а потому что всё, что было внутри, принадлежало только ей. Если отпустить его хоть на секунду, казалось, вместе с ним можно потерять и собственное решение.

Перед дверью автобуса она на мгновение задержала дыхание.

Совсем чуть-чуть.
Этого было достаточно, чтобы выдать привычку всю жизнь жить под внутренней командой.

Плечи ровные.

Слишком ровные.

Не телесные — выученные.

Юбка ниже колен. Белая блузка застёгнута до самой верхней пуговицы. Всё аккуратно до болезненной правильности. Будто любая складка могла стать поводом начать день заново.

На колене темнела капля дождя.

Она заметила её не сразу.

В голове уже привычно включился счёт.

Паспорт.

Билет.

Телефон.

Наушники.

Документы.

Ничего не забыть.

Ничего не перепутать.

Не ошибиться.

Она жила так давно.

Иногда ей казалось, что внутри неё нет собственных желаний — только длинный список того, что нельзя сделать неправильно.

Она подошла к водителю и молча приложила карту.

Борис мельком посмотрел на неё.

— В аэропорт?

Она кивнула.

Слишком быстро.

Потому что, если задержаться хотя бы на секунду, можно услышать голос, который всю жизнь принимал решения раньше неё.

Она прошла к окну.

Только сев, позволила себе выдохнуть.

Телефон вспыхнул.

«Мама».

Экран словно стал ярче остального салона.

Она долго смотрела на имя.

Не на звонок.

На всю жизнь, которая помещалась в одном слове.

Каждое утро начиналось одинаково.

Во сколько проснулась.

Что ела.

Не забыла ли ноты.

Сколько часов занималась.

Не отвлекается ли.

Не ошибается ли.

Иногда ей казалось, что она никогда не была дочерью.

Она была самым длинным материнским проектом.

Телефон продолжал звонить.

Где-то рядом кто-то уронил монету.

Она ударилась о металлический пол, несколько раз подпрыгнула и затихла.

Палец завис над экраном.
Ответить.
Не ответить.
Извиниться.
Объяснить.
Вернуться.
Экран погас сам.
И на секунду на ладони осталось слабое синеватое отражение света.
Алина медленно убрала телефон.
«Если сейчас отвечу...»
Мысль не закончилась.
Потому что продолжение она знала слишком хорошо.
Она посмотрела в окно.
За мокрым стеклом город был размытым, словно кто-то специально не давал увидеть его до конца.
«Я просто еду.»
Пауза.
«Нет.»
Она почти испугалась собственного продолжения.
«Я уезжаю.»
И впервые это слово прозвучало не как маршрут.
Как выбор.
Следом вошёл Алексей Петрович.
Он не торопился.
Потому что торопиться — значит спорить с дорогой.
В руках была старая дорожная сумка.
Небольшая.
Такая, с которой люди ездят не отдыхать, а по делам, давно отложенным.
Внутри, между аккуратно сложенной рубашкой и свёрнутым полотенцем, стояла банка вишнёвого варенья.
Её нельзя было назвать просто вареньем.
Слишком много вечеров осталось в этой банке.
Слишком много тишины.
Белая рубашка сидела на нём непривычно празднично.
Будто он собирался не в поездку.
А в гости.
На рукаве едва заметно проступала складка, словно ткань слишком долго ждала именно этого дня.
От него пахло нафталином, свежесглаженным хлопком и чем-то домашним.
Тем запахом, который остаётся в квартире даже после того, как в ней давно перестали готовить вместе.
Он осторожно поднялся на ступеньку.
Мокрая резина тихо скрипнула под ботинком.
— До конечной, — сказал он.
И сам едва заметно улыбнулся.
Когда-то жена всегда смеялась над этой фразой.
— До какой ещё конечной? — спрашивала она. — Мы же ещё домой вернёмся.
Он тогда отвечал:
— Домой всегда возвращаются.

Теперь никто не спорил.
Он прошёл в салон и сел ближе к проходу.
Так сядутся люди, которые не уверены, что задержатся надолго.
Сумку поставил рядом особенно осторожно.
Не потому, что боялся разбить стекло.
А потому что внутри лежало последнее, что он приготовил своими руками.
Вернее...
Не совсем своими.
Вишню они всегда варили вместе.
Она снимала пенку деревянной ложкой и обязательно пробовала сироп.
Потом говорила:
— Ещё пять минут.
Он никогда не спорил.
Потому что у неё всегда получалось точнее.
Три года он варил варенье один.
Но каждый раз всё равно ждал, что кто-то сейчас скажет:
— Ещё немного.
Он осторожно провёл пальцами по крышке банки.
Стекло было прохладным.
Внутри густо светилась вишня.
«Если не спешить — всё доходит целым.»
Он никогда не произносил эту мысль вслух.
Он просто жил так.
И только сегодня впервые подумал, что иногда именно из-за этого люди приходят слишком поздно.
Он тихо вздохнул.
Сегодня он наконец решился поехать к сыну.
Без звонка.
Без предупреждения.
Без привычного:
«Если будешь свободен...»
В последний раз они разговаривали почти месяц назад.
Точнее, говорил в основном сын.
О работе.
О встречах.
О том, что сейчас очень сложно выбраться.
— Пап, давай потом, хорошо?
Он тогда ответил:
— Конечно.
И положил трубку раньше, чем успел сказать, зачем вообще звонил.
Сегодня он устал ждать.
Не потому, что обиделся.
Потому что вдруг испугался, что однажды времени действительно не останется.
Он посмотрел в окно.
Дождевые капли медленно стекали по стеклу.
Будто и они никуда не торопились.
Он осторожно повернул банку.
Свет прошёл сквозь вишню.
На мгновение она стала похожа на маленькое тёплое окно.

И Алексей Петрович вдруг поймал себя на странной мысли.
Ему очень хотелось, чтобы дома кто-нибудь сказал:

— Пап, проходи.

Не потому, что был праздник.

Просто потому, что он приехал.

Банка тихо звякнула о металлическую ножку сиденья.

Он невольно улыбнулся.

Эту банку он варил три дня.

Так же, как когда-то варила она.

Сначала долго выбирал вишню. Потом перебирал каждую ягоду, вынимая косточки почти с тем же упрямством, с каким человек пытается вернуть прошлое. Потом стоял ночью у плиты, снимая пенку маленькой ложкой, потому что она всегда говорила:

— Не ленись. Варенье всё чувствует.

Он тогда смеялся.

Теперь не смеялся.

Три года прошло с тех пор, как её не стало.

Сначала дом ещё жил по привычке.

Дети приезжали.

Потом стали приезжать реже.

Потом начали звонить.

Потом — писать короткие сообщения.

А потом исчезло даже это.

Не потому, что разлюбили.

Просто жизнь оказалась быстрее памяти.

Он тоже звонил.

Сын отвечал усталым голосом:

— Пап, я на работе. Давай вечером?

Вечером не получалось.

На следующий день тоже.

И однажды Алексей Петрович вдруг понял, что разговаривает с гудками чаще, чем с людьми.

Он никого не винил.

Он слишком хорошо помнил, каким сам был в молодости.

Всё казалось срочным.

Всё — потом.

Только теперь это «потом» звучало иначе.

Сегодня утром он проснулся раньше обычного.

Долго сидел на кухне.

Поставил две чашки.

По привычке.

Потом убрал одну обратно.

Открыл шкаф.

Достал банку.

Долго держал её в руках.

И вдруг понял, что больше не хочет ждать, когда у сына появится свободное время.

Можно ведь самому приехать.

Без звонка.

Без предупреждения.

Просто приехать.

Он осторожно провёл пальцами по крышке.
Автобус мягко качнулся.
Вишня внутри банки едва заметно дрогнула.
Павел вошёл третьим.
Перед тем как подняться в автобус, он машинально остановился.
Проверил карман.
Потом ещё раз.
Потом сделал вид, что не проверял вовсе.
На мокрой ступеньке подошва слегка скользнула.

Он удержался легко, почти не заметно, но почему-то подумал, что в последнее время так происходит всё чаще — жизнь словно всё время слегка уходила из-под ног, не настолько, чтобы упасть, но достаточно, чтобы почувствовать неуверенность.

Он вошёл в салон.
Телефон уже был в руке.
Экран загорелся.
Несколько непрочитанных сообщений.
Самое верхнее.
От неё.
«Ты сегодня какой-то странный. Всё хорошо?»

Он улыбнулся.
Совсем немного.
Она всегда чувствовала раньше него самого.
Палец медленно открыл диалог.
Курсор мигал в пустом поле.
Он написал:
«Сегодня...»
Стер.
Написал снова.
«Кажется, пора...»
Стер.
Экран опять стал пустым.
Он тихо усмехнулся.
— Ну конечно...

Карман.
Ещё одна проверка.
Кольцо было на месте.
Он носил его уже почти месяц.
Сначала в куртке.
Потом переложил в рюкзак.
Потом снова в карман джинсов.
Потом опять в куртку.

Иногда ему казалось, что если кольцо постоянно переезжает вместе с ним, то и решение пока не считается окончательным.

Так было спокойнее.
Пять лет они были вместе.
Пять лет он искренне любил её.
И почти столько же лет говорил себе одно и то же.
«Ещё немного.»
«Надо накопить.»

«Сейчас работа.»

«Потом отпуск.»

«Потом ремонт.»

«Потом обязательно.»

Он никогда не замечал, как слово «потом» научилось жить отдельно от него.

Будто само принимало решения.

Неделю назад она вдруг сказала совершенно спокойно:

— Знаешь... мне иногда кажется, что ты уже всё решил. Просто никак не начнёшь жить.

Он тогда рассмеялся.

Пошутил.

Перевёл разговор.

А вечером долго сидел на кухне один.

Потому что впервые понял: она сказала именно то, чего он сам боялся.

Сегодня утром он достал кольцо из ящика.

Долго держал его на ладони.

Потом положил в карман.

И впервые не стал искать оправдание.

Только маршрут.

Сегодня он собирался сделать предложение.

Не потому, что наконец перестал бояться.

Потому что устал ждать дня, в который перестанет.

Он прошёл в середину салона и сел.

Автобус тихо покачнулся.

Павел посмотрел в окно.

Дождевые капли медленно сползали по стеклу.

Они всё время догоняли друг друга.

Почти.

Но каждая всё равно текла своей дорогой.

Он вдруг поймал себя на мысли, что и сам живёт именно так.

Всё время почти.

Почти написал.

Почти сказал.

Почти выбрал.

Почти начал.

Телефон снова дрогнул в ладони.

«Увидимся вечером?»

Он посмотрел на сообщение долго.

Очень долго.

Потом экран погас сам.

И отражение собственного лица оказалось на стекле вместо букв.

Он тихо сказал самому себе:

— Сегодня.

И впервые это слово прозвучало не как обещание.

Как решение.

Потом вошёл Кирюша.

Он был легче остальных.

Не по весу.

По присутствию.

Так бывает с детьми, которые слишком рано научились занимать в мире как можно меньше места.

Он остановился у двери и не сразу поднялся на ступеньку.

Сначала внимательно посмотрел внутрь автобуса.

Будто проверял не свободные места.

Безопасность.

Здесь всё звучало иначе.

Глухой рокот двигателя.

Чужое дыхание.

Запах мокрых курток.

Тёплый пластик сидений.

И что-то ещё.

Что-то похожее на возможность.

Борис чуть наклонил голову.

— Один?

Кирюша кивнул.

Потом подумал.

И честно добавил:

— Я не потерялся.

Пауза.

— Я еду.

Для него это было важно.

Потеряться — это когда тебя ищут.

Ехать — когда ты сам выбрал дорогу.

Борис внимательно посмотрел на мальчика.

— Куда?

Кирюша поднял глаза.

Туда, где за лобовым стеклом дорога постепенно растворялась в сером утре.

— За город.

Пауза.

— Там место есть.

Он улыбнулся совсем чуть-чуть.

— Где не кричат.

Борис ничего не сказал.

Только молча кивнул в сторону салона.

Кирюша прошёл к окну.

Рюкзак у него был старый.

На одной лямке нитки давно разошлись, и кто-то когда-то аккуратно прошил её толстой белой нитью.

Он осторожно поставил рюкзак рядом.

Расстегнул молнию.

Совсем немного.

Будто проверяя, всё ли осталось на месте.

Изнутри выглянул уголок старой книги.

Обложки почти не осталось.

Только выцветший рисунок, на котором за холмами виднелся незнакомый город.

Он бережно поправил книгу.

Это была его самая дорогая вещь.

Он уже не помнил, кто её подарил.

Кажется, библиотекарь.
Или соседка.
Или она просто однажды лежала возле мусорных баков.
Но это давно перестало иметь значение.
Главным был город.
Там люди всегда улыбались.
Никто не пил.
Никто не кричал.
Никто не хлопал дверями по ночам.
Там мороженое росло прямо на деревьях.
Так было написано в книге.
Когда Кирюша был совсем маленьким, он смеялся над этим.
Потом перестал.
Иногда человеку очень нужна хотя бы одна невозможная вещь, в которую можно верить.
Он прижался лбом к холодному стеклу.
За окном медленно просыпались дома.
В одном окне женщина поливала цветы.
В другом мужчина пил чай.
На балконе кто-то развешивал бельё.
Кирюша смотрел на всё это долго.
Спокойно.
Без зависти.
Словно наблюдал чужую страну.
Он тихо открыл книгу на заложенной странице.
Бумага была мягкой от времени.
На полях детским почерком когда-то было написано:
"Если ехать долго-долго, обязательно доедешь."
Он осторожно провёл пальцем по этим словам.
И улыбнулся.
Совсем немного.
— Я доеду, — почти беззвучно сказал он самому себе.
И впервые за всё утро его лицо стало совсем детским.
Последней вошла Марина.
Не торопясь.
Хотя всё внутри неё продолжало спешить.
Телефон уже был в руке — не потому, что сейчас кто-то писал. Просто так было всегда.
Как люди автоматически поправляют волосы или ищут взглядом часы, так она бессознательно проверяла экран.
Он был пуст.
Но внутри уже привычно двигался список.
«ответить»
«согласовать»
«перезвонить»
«не забыть»
«успеть»
Она иногда ловила себя на странной мысли: если этот внутренний список однажды закончится, она не будет знать, кто она без него.
Борис посмотрел на неё поверх руля.
— В аэропорт?

Она подняла глаза.
На секунду ей захотелось ответить: «Не знаю».

Но вместо этого прозвучало привычное:

— Да.

Она протянула карту.

Пока терминал тихо пискнул, телефон снова ожил.

На экране появилось письмо с пометкой «Срочно».

Ниже — ещё одно.

Потом сообщение от коллеги.

«Сможешь посмотреть сегодня?»

Палец привычно потянулся открыть переписку.

И остановился.

Сегодня.

Она ведь специально взяла отпуск.

Первый настоящий отпуск за восемь лет.

Не выходные между задачами.

Не работу из гостиницы.

Не ноутбук возле бассейна.

Отпуск.

Чтобы впервые за долгое время узнать, что она любит делать, когда никто ничего от неё не хочет.

Она медленно заблокировала экран.

Телефон стал тяжёлым.

Словно весил не двести граммов, а все годы, которые она говорила себе:

«ещё немного»

«вот закончу проект»

«потом обязательно».

Она прошла в салон.

Села у окна.

Автобус ещё стоял.

За стеклом спешили люди.

Каждый куда-то успевал.

И вдруг ей показалось странным, что весь этот город живёт так, словно существует какая-то невидимая финишная черта, после которой наконец можно начать жить.

Она поймала себя на улыбке.

Очень короткой.

Почти незаметной.

«Только бы не начать работать уже из аэропорта.»

Мысль пришла автоматически.

И почти сразу вслед за ней появилась другая.

Непривычная.

Тихая.

«А если сегодня впервые не надо ничего успевать?»

Она не ответила себе.

Автобус мягко вздрогнул.

И поехал.

Автобус закрыл двери.

Воздух тихо выдохнул через пневматику.

Дверные створки сомкнулись с привычной точностью, будто повторяли движение, которое выполняли тысячи раз.

Борис мягко перевёл рычаг.

Автобус едва заметно качнулся.

И поехал.

Остановка медленно поплыла назад.

Люди остались стоять под мокрым навесом, уже не имея отношения к тем, кто оказался внутри.

Город просыпался спокойно.

Открывались магазины.

Кто-то спешил к метро.

Дворник лениво собирал мокрые листья в одну длинную полосу.

Молодая мама поправляла ребёнку шарф.

Курьер перебегал дорогу, придерживая за спиной тяжёлый рюкзак.

Ничего необычного.

Обычное утро большого города.

И именно поэтому никто не мог знать, что для нескольких человек этот день уже никогда не станет обычным.

В салоне было тепло.

Стёкла медленно запотевали от дыхания.

Каждый сидел рядом с другими.

Но каждый ехал на встречу со своей собственной жизнью.

Алина впервые за долгое время позволила себе не думать о том, что скажет мать.

Телефон лежал рядом.

Экран больше не загорался.

Она смотрела вперёд.

Не потому, что знала, что её ждёт.

А потому что впервые выбрала направление сама.

Алексей Петрович осторожно повернул банку в руках.

Сквозь густую вишню проходил утренний свет.

Он вдруг вспомнил, как жена всегда пробовала варенье первой деревянной ложкой и улыбалась раньше, чем говорила, получилось оно или нет.

От этой памяти стало одновременно тепло и пусто.

Он тихо погладил крышку пальцами.

Словно здоровался.

Павел машинально коснулся кармана.

Кольцо было на месте.

Оно больше не казалось украшением.

Скорее — обещанием, которое слишком долго пролежало без голоса.

Он закрыл глаза всего на секунду.

«Сегодня.»

И впервые это слово прозвучало не как отсрочка.

Кирюша смотрел в окно.

За стеклом один за другим исчезали дома.

Где-то между ними обязательно должен был начаться тот самый город.

Из старой книжки.

Где никто не кричит.

Где собаки не боятся людей.

Где можно просто остаться.

Он улыбнулся своим мыслям.
Совсем немного.
Марина держала телефон в ладони.
Он был тёплым.
Как будто ещё помнил все годы, когда она не выпускала его из рук.
Она медленно убрала его в сумку.
Не демонстративно.
Не как решение.
Просто сегодня ей впервые захотелось посмотреть в окно.
Борис вёл автобус молча.
Маршрут был знаком до каждой трещины в асфальте.
Но сегодня ему вдруг показалось, что автобус едет необычно тихо.
Будто прислушивается.
Он едва заметно коснулся ладонью приборной панели.
Как гладят плечо старого друга.
— Поехали, старик... — сказал он почти беззвучно.
Двигатель ровно ответил низким гулом.
Автобус свернул на широкую улицу.
Город продолжал жить своей привычной жизнью.
Никто никого не ждал.
Никто ничего не предчувствовал.
И где-то между шумом двигателя, дыханием пассажиров и мокрым светом за окнами уже
родилась первая настоящая тишина.
Та, в которой человек впервые остаётся наедине не с дорогой.
А с самим собой.

Глава

2

Город ещё не успел окончательно проснуться, но уже делал вид, что живёт.
Он всегда так делал.
Даже утром, когда окна домов были ещё тёмными, а дворники только начинали сметать
с тротуаров мокрые листья, жизнь уже двигалась по инерции. Будто кто-то однажды запустил
огромный механизм, и теперь он продолжал работать сам, не спрашивая, хотят ли этого люди
внутри.
Где-то хлопнула дверь.
Кто-то раздражённо ответил в телефон и сразу замолчал.
У остановки порвался пакет с продуктами. Яблоко покатилося по мокрому асфальту,
ударилось о бордюр и осталось лежать, никому не нужное.
Светофоры меняли цвета.
Открывались магазины.
Кто-то уже успел опоздать.
Кто-то — поспориться.
Кто-то — пообещать себе, что вечером обязательно найдёт время для важного разговора.
Город жил своим привычным словом.
Потом.
Автобус ехал сквозь всё это спокойно.
Будто существовал в другом ритме.
Колёса проходили по старому асфальту, по латкам и трещинам, и каждый удар отзывался
в салоне знакомым глухим звуком.

Борис чуть подался вперёд.
Он знал этот маршрут так же хорошо, как человек знает собственные руки.
Где автобус чуть потянет вправо.
Где подвеска обязательно вздохнёт.
Где светофор всегда задерживает зелёный на несколько секунд дольше остальных.
Он легко коснулся ладонью панели.
— Потерпи, старик...
Где-то сверху тихо скрипнул пластик.
Борис усмехнулся.
— Вот так лучше.
Со стороны казалось, будто он разговаривает с железом.
Но за много лет автобус перестал быть для него техникой.
Он был единственным существом, рядом с которым не приходилось ничего объяснять.
За окном серые многоэтажки постепенно уступали место редким деревьям.
Неба становилось больше.
В стекле отражались лица.
Пять человек.
Пять разных дорог.
И почему-то одна.
Кирюша сидел у окна.
Лоб снова прижат к холодному стеклу.
Холод он почти не замечал.
Он давно перестал считать его чем-то необычным.
Когда зимой дома выключали отопление за долги, батареи становились такими же ледяными.
Тогда он уходил во двор.
Там были собаки.
Они никогда не спрашивали, почему он снова пришёл.
Не говорили:
— Опять родители ругаются?
Не смотрели с жалостью.
Они просто ложились рядом.
Одна большая рыжая дворняга всегда клала голову ему на колени.
И этого почему-то хватало.
Будто она знала слова, которых не знали взрослые.
Кирюша достал из рюкзака старую книгу.
Обложка почти стёрлась.
Уголки страниц были загнуты.
На листах остались бурые пятна.
Раньше он думал, что это дождь.
Теперь казалось — время тоже умеет оставлять следы.
Книга рассказывала про город за горизонтом.
Туда можно попасть, если долго ехать и ни разу не повернуть назад.
Там никто не кричал.
Там люди улыбались друг другу просто так.
Там на деревьях росло мороженое.
Эту страницу он любил больше остальных.
Потому что мороженое он ел всего один раз.
Ему было шесть.

Папа тогда ещё пах бензином и табаком, а не водкой.
Мама смеялась так громко, что соседи стучали по батарее.
Они гуляли возле парка.
Папа купил ему маленький вафельный стаканчик.
Мороженое таяло быстрее, чем Кирюша успевал есть.
— Быстрее, убежит! — смеялся отец.
Тогда Кирюша правда думал, что счастливые дни умеют убежать.
Потом оказалось —
умеют.
Он провёл пальцем по рисунку города.
И тихо спросил:
— А мы точно туда едем?
Алина повернула голову.
Она уже хотела ответить автоматически.
Правильно.
Быстро.
Так, как отвечала всю жизнь.
Но мальчик смотрел на неё слишком серьёзно.
Словно спрашивал не про дорогу.
— Куда — туда?
Он пожал плечами.
— Ну... туда.
Показал вперёд.
Не на дорогу.
Дальше неё.
Туда, где заканчивается то, что уже известно.
— Куда все едут.
Алина посмотрела в окно.
Она вдруг поняла, что не знает ответа.
Хотя всегда должна была знать.
Она медленно достала билет.
Провела большим пальцем по плотной бумаге.
Впервые за двадцать лет это была дорога, которую никто не выбрал вместо неё.
И от этой мысли хотелось одновременно улыбнуться...
и попросить разрешения.
Она почти услышала знакомый голос.
«Ты уверена, что знаешь, как будет лучше?»
Голоса не было.
Но отвечать ему она продолжала по привычке.
— Наверное... у каждого своё место, — сказала она тихо.
— А если человек не знает?
Она улыбнулась едва заметно.
— Тогда он ищет.
Кирюша серьёзно кивнул.
— Так тоже бывает в сказках.
И почему-то после этих слов Алине стало легче.
Напротив, сидел Алексей Петрович.
Банка варенья спокойно покачивалась в его ладонях.
Он держал её не потому, что боялся разбить.

Некоторые вещи просто нельзя держать небрежно.
Солнечный луч прошёл сквозь густую вишню.
Она стала почти прозрачной.
— Красиво, — сказала женщина рядом.
— Вишня?
— Да.
— Домашняя?
Он кивнул.
— Всю ночь варил.
— Всю ночь?
Она удивилась.
— Зачем так долго?
Алексей Петрович посмотрел на банку.
И улыбнулся самому себе.
— Потому что она не любит спешки.
Он не сказал, что жена всегда готовила именно так.
Медленно.
Тихо.
Помешивая деревянной ложкой.
Она смеялась:
— Варенье чувствует, когда его торопят.
После её смерти он три года не открывал старый медный таз.
А вчера вечером достал.
Потому что впервые решил не ждать, когда дети найдут время приехать.
Он сам ехал к ним.
Словно пытался вернуть не расстояние.
А дом.
Марина сидела прямо.
Телефон лежал в ладони.
Экран снова вспыхнул.
Новое письмо.
Новое сообщение.
Напоминание о встрече.
Она не открывала.
Только смотрела.
И вдруг поймала себя на странной мысли.
Она прекрасно знает, чем сегодня будут заниматься десятки других людей.
Но совершенно не знает, что любит делать сама.
Не для работы.
Не потому, что надо.
Не потому, что кто-то ждёт.
Просто потому, что хочется.
Она медленно убрала телефон в сумку.
Как будто разрешила миру несколько минут прожить без неё.
— Работа? — спросила женщина через проход.
Марина кивнула.
— Любите её?
Она уже открыла рот, чтобы привычно ответить:
«Конечно.»

Но неожиданно сказала другое.
— Она никогда не заканчивается.
И сама удивилась собственным словам.
Павел сидел ближе к выходу.
Он всегда выбирал такие места.
Будто заранее оставлял себе возможность уйти.
Хотя почти никогда не уходил.
Он открыл телефон.
Последнее сообщение.
«Ты сегодня приедешь?»
Он долго смотрел на экран.
Потом открыл заметки.
Там была всего одна строка.
«Выходи за меня»
Без точки.
Без отправки.
Он перечитал её ещё раз.
Закрыв телефон.
Пальцы привычно коснулись кармана.
Кольцо было на месте.
Он тихо выдохнул.
— Ещё немного...
И впервые понял, что живёт именно в этом состоянии.
Не до решения.
Не после.
А в нескольких минутах перед ним.
Борис поднял взгляд в зеркало.
Люди сидели молча.
Но молчание уже стало другим.
Оно постепенно переставало быть чужим.
Каждый ещё оставался внутри своей жизни.
Но эти жизни медленно начинали слышать друг друга.
Только Кирюша продолжал смотреть за окно.
— Один...
— Два...
— Три...
Потом остановился.
Борис улыбнулся.
— Почему перестал считать?
Кирюша пожал плечами.
— Их слишком много.
Немного подумал.
И добавил:
— Хорошо.
Борис не ответил.
Только снова посмотрел вперёд.
Автобус уже выехал за город.
Асфальт стал грубее.
Колёса чаще находили трещины.

Где-то над головой негромко закрипела старая панель.

За окнами потянулись поля.

Редкие деревья.

Открытое небо.

Казалось, вместе с городом позади должно было остаться и всё тяжёлое.

Но никто этого ещё не чувствовал.

Каждый продолжал везти с собой то, что невозможно оставить ни на одной остановке.

Кирюша снова открыл книгу.

На рисунке за горизонтом начинался город, где никто не жил словом «потом».

Он крепче прижал книгу к груди.

И улыбнулся.

Автобус ехал дальше.

А вместе с ним ехали пять человеческих жизней, которые впервые за долгое время перестали расходиться в разные стороны.

Они ещё этого не знали.

Но пространство между ними уже начинало становиться общим.

Павел сидел ближе к выходу.

Он всегда выбирал место рядом с дверью.

Не потому, что собирался выйти раньше других.

Просто так спокойнее.

Если станет тесно — можно выйти.

Если разговор станет слишком личным — можно выйти.

Если испугаешься собственного решения — тоже можно выйти.

Он давно заметил, что всю жизнь подсознательно оставляет себе возможность отступить.

Рука привычно коснулась кармана.

Кольцо.

На этот раз он не проверял, на месте ли оно.

Он проверял себя.

Пять лет.

Иногда ему казалось, что эти пять лет пролетели за один вечер.

Иногда — что он прожил их в бесконечном ожидании.

Он вспомнил самый обычный вечер.

Они сидели дома.

Она уснула на диване с книгой на груди.

Он долго смотрел на неё.

Хотел разбудить.

Хотел сказать.

Даже достал коробочку из шкафа.

Потом подумал:

«Не сейчас.

Пусть будет красивее.

Надо выбрать день.

Надо купить цветы.

Надо всё сделать правильно.»
Он тихо убрал коробочку обратно.
Она так и не узнала, что в тот вечер была в нескольких словах от новой жизни.
Телефон снова загорелся.
Одно короткое сообщение.
«Ну что? Сегодня?»
Он долго смотрел.
Потом экран снова погас.
— Сегодня, — тихо сказал он.
Но не нажал.
И сам понял, что опять сказал это будущему.
Не настоящему.
Борис посмотрел в зеркало.
Люди сидели молча.
Но эта тишина уже перестала быть случайной.
Каждый будто начал слышать самого себя.
Автобус тоже изменился.
Он всегда чувствовал такие вещи.
Когда пассажиры шумят — автобус едет тяжело.
Когда молчат правильно — он будто сам становится мягче.
Борис иногда смеялся над собой.
Кто ещё разговаривает с автобусом?
По вечерам, когда смена заканчивалась, он оставался в парке.
Подтягивал болты.
Слушал двигатель.
Менял лампы.
Молодые механики смеялись:
— Борис, тебе давно домой пора.
Он только качал головой.
— Домой успею.
Сначала его полечу.
И правда верил, что техника чувствует руки.
Когда менял масло, всегда говорил:
— Потерпи, старик.
Когда двигатель начинал работать ровнее, улыбался так, будто выздоровел кто-то родной.
Он никогда не называл автобус машиной.
Только:
«мой старик».
И сейчас привычно провёл пальцами по рулю.
Совсем незаметно.
Как будто хотел убедиться, что тот тоже чувствует сегодняшнее утро.
Автобус негромко заурчал.
Борис усмехнулся.
— Я тоже слышу.
Кирюша снова считал деревья.
— Один...
Пауза.
— Два...
Потом сбился.

Посмотрел в окно.
Деревьев становилось всё больше.
Они уходили вдаль, словно стояли здесь задолго до появления дороги.
— Почему перестал считать? — спросил Борис.
Кирюша пожал плечами.
— Их слишком много.
Помолчал.
И тихо добавил:
— Хорошо.
Борис улыбнулся.
Едва заметно.
Так улыбаются словам, которые понимаешь без объяснений.
Автобус окончательно вышел за пределы города.
Дома становились ниже.
Потом исчезли совсем.
Асфальт изменился.
Колёса начали чаще находить старые заплатки.
Салон слегка задрожал.
Где-то наверху негромко скрипнула пластиковая панель.
Будто автобус потянулся после долгого сна.
За окном медленно поплыли поля.
Редкие деревья.
Линии электропередач.
Широкое небо.
Оно становилось всё больше.
И почему-то казалось ближе.
В салоне никто не разговаривал.
Каждый продолжал ехать в своей собственной жизни.
Но эти жизни уже начинали двигаться в одном направлении.
Не по дороге.
Глубже.
Туда, где человек наконец перестаёт убегать от самого себя.
Кирюша открыл книгу на любимой странице.
Пальцем провёл по рисунку.
Город за горизонтом.
Башни.
Деревья.
Дома с яркими окнами.
Он улыбнулся.
Совсем чуть-чуть.
Потому что автобус ехал.
А значит...
туда всё ещё можно было успеть.
И никто из них ещё не знал, что самое большое расстояние, которое им предстояло пройти этим утром, измерялось не километрами.
А одним очень простым словом.
«Потом».
Автобус шёл ровно.
Дорога впереди стала длиннее.

Теперь не было плотного городского движения, светофоров, перекрёстков, случайных прохожих. Только серый асфальт, уходящий между полями, и редкие машины, которые появлялись издалека и так же спокойно исчезали за спиной.

Борис всегда любил этот участок.

Здесь автобус наконец переставал бороться с городом.

Начинал просто ехать.

Он чуть приоткрыл боковую форточку.

В салон вошёл холодный воздух.

Пахло влажной землёй.

Травой.

И чем-то ещё.

Тем запахом, который бывает только ранним утром, когда день ещё ничего не успел испортить.

Он вдохнул полной грудью.

— Вот теперь едем...

Сказал почти шёпотом.

Не людям.

Автобусу.

Марина впервые за долгое время посмотрела не в телефон.

В окно.

Поле тянулось так далеко, что взгляд переставал искать границу.

Странное чувство.

Будто мир не требует ничего.

Никто не пишет.

Никто не ждёт ответа.

Никто не просит решить чужую проблему.

Она вдруг поняла, что не помнит, когда последний раз просто смотрела в окно.

Не между задачами.

Не ожидая звонка.

Просто так.

В голове автоматически попытался появиться список дел.

Но вместо привычного:

«позвонить... проверить... отправить...»

ничего не пришло.

И эта пустота сначала испугала.

Потом неожиданно оказалась похожей на отдых.

Алина осторожно коснулась кармана.

Билет был на месте.

Она проверяла его уже четвёртый раз.

Не потому, что могла потерять.

Потому что боялась проснуться.

Иногда ей казалось, что мама сейчас позвонит.

Скажет спокойно, без крика:

— Возвращайся.

И она вернётся.

Как возвращалась всегда.

Не потому, что хотела.

Потому что никогда не умела иначе.

Она посмотрела на своё отражение.

И вдруг поймала себя на мысли, что впервые в жизни никто не знает, где она находится.
От этой мысли стало страшно.

Потом...

Свободно.

— А вы далеко едете? — неожиданно спросил Кирюша.

Он обращался сразу ко всем.

Первым ответил Алексей Петрович.

— Далекo.

— Это сколько?

Старик улыбнулся.

— В моём возрасте далеко — это когда ещё есть к кому ехать.

Кирюша серьёзно кивнул.

Как будто понял.

Хотя понял совсем по-своему.

— А я тоже далеко.

— К родственникам?

Мальчик покачал головой.

— Нет.

В город.

За горизонтом.

Марина невольно улыбнулась.

— Такой есть?

Кирюша посмотрел на неё с удивлением.

— Конечно.

Если долго ехать.

В автобусе стало тихо.

Никто не стал объяснять ребёнку, что такого города нет.

Потому что у каждого взрослого вдруг возникло странное ощущение, что когда-то и у него был свой город за горизонтом.

Место, где всё обязательно станет правильно.

Автобус мягко качнулся на очередной неровности.

Где-то сверху снова скрипнула пластиковая панель.

Борис машинально поднял глаза.

— Потерпи...

Тихо сказал он.

И погладил ладонью приборную панель.

Марина заметила этот жест.

— Вы правда разговариваете с автобусом?

Борис улыбнулся.

— А как иначе?

— Он же...

Она хотела сказать «машина».

Но не сказала.

Борис закончил за неё:

— Старый товарищ.

Пятнадцать лет вместе.

Люди менялись.

Маршруты менялись.

А он оставался.

Марина посмотрела вперёд.
Старый руль.
Потёртая приборная панель.
Выцветший номер маршрута.
И вдруг ей показалось, что водитель действительно разговаривает не с железом.
А с тем, кто всё это время ехал рядом.
За окном медленно проплывали деревья.
Каждое стояло на своём месте.
Никуда не торопилось.
Ничего не откладывало.
Автобус шёл вперёд.
И никто ещё не понимал, что самое важное путешествие этого утра уже началось.
Хотя до места назначения оставалось ещё достаточно дороги.

Глава

3

Автобус шёл ровно.

Не мягко — старые амортизаторы давно забыли, что такое плавность. Под полом негромко перекачивался металл, иногда что-то отзывалось коротким глухим стуком, будто сама дорога напоминала о своём возрасте.

Тук.

Пауза.

Ещё один.

Борис всегда различал эти звуки.

Для других это был старый автобус.

Для него — голос.

Он знал, какая панель поскрипывает на поворотах, где под полом дребезжит крепление, а где начинает посвистывать воздух в уплотнителе двери.

Иногда вечером он приезжал в парк уже затемно.

Все давно расходились.

А он ещё сидел в кабине.

Слушал.

Потом доставал ключи и говорил почти виновато:

— Ну что, старик... посмотрим, где сегодня болит.

Автобус никогда не отвечал.

Но Борису всегда казалось, что отвечает.

Он улыбнулся едва заметно.

Провёл ладонью по рулю.

— Потерпи ещё немного.

И сам не понял, сказал это автобусу или себе.

За окном медленно проплывали поля.

Дома стали реже.

Небо — больше.

Город отпускал людей постепенно, будто нехотя.

Алина сидела прямо.

Не потому, что так было удобно.

Так её научили.

Спина должна быть ровной.

Колени вместе.

Локти не ставить.
Не сутулиться.
Не отвлекаться.
Не ошибаться.
Когда ей было девять, мать могла молча поправить её осанку одним прикосновением к плечу.
Никакой злости.
Никакого крика.
Просто холодное:
— Сядь правильно.
И этого хватало.
Даже сейчас, спустя годы, тело исправляло себя раньше мысли.
Она посмотрела на своё отражение в стекле.
И вдруг поймала себя на странной мысли.
Она не знала, как сидела бы, если бы никто никогда её не учил.
Телефон коротко завибрировал.
Она даже не посмотрела.
Только крепче сжала билет.
"А если мама сейчас звонит не потому, что хочет остановить...
А просто потому, что боится остаться одна?"
Мысль пришла неожиданно.
И так же неожиданно стало больно.
Она никогда раньше не задавала себе этого вопроса.
Кирюша смотрел в окно.
Вдоль дороги стояла большая лохматая собака.
Худая.
Серая.
Она не побежала за автобусом.
Не залаяла.
Только проводила его взглядом.
Кирюша тихо улыбнулся.
— Хорошая...
Алина повернулась.
— Что?
— Собака.
— Ты её знаешь?
Он покачал головой.
— Нет.
Пауза.
— Но таких знаю.
Он сказал это так просто, будто речь шла о соседях.
Потом снова отвернулся к окну.
— Они никогда не спрашивают.
— Кто?
— Собаки.
Он пожал плечами.
— Им всё равно, где ты был.
Главное, что пришёл.
Алина ничего не ответила.

Потому что вдруг поняла —
она не помнит человека, которому тоже было бы всё равно, где она была.
Алексей Петрович осторожно держал банку обеими руками.
Стекло уже стало тёплым.
Он машинально провёл большим пальцем по крышке.
Небольшая царапина.
Та самая.
Жена однажды сказала:
— Лёша, выбрось уже эту банку.
Он тогда рассмеялся.
— Жалко.
— Тебе всё жалко.
— Потому что ещё хорошее.
Она только покачала головой.
— Ты даже вещи отпустить не умеешь.
Он тогда обиделся.
Немного.
Совсем немного.
А сейчас подумал, что она была права.
Он слишком многое оставлял "на потом".
Старые банки.
Старые разговоры.
Старые обиды.
Старые звонки детям.
"А сегодня поздно.
Завтра позвоню."
Завтра.
Очень удобное слово.
Он крепче сжал банку.
Будто вместе с ней держал последние годы своей жизни.
Марина наконец убрала телефон в сумку.
Не специально.
Просто рука устала его держать.
Стало непривычно пусто.
Она посмотрела в окно.
Поля.
Линия электропередачи.
Редкие деревья.
Ничего особенного.
И вдруг поймала себя на мысли, что уже несколько минут просто смотрит.
Не читает.
Не отвечает.
Не планирует.
Просто смотрит.
Она нахмурилась.
— Странно...
Павел поднял голову.
— Что?
Она чуть помолчала.

Будто проверяя собственные ощущения.

— Я не помню, когда последний раз ничего не делала.

Павел тихо усмехнулся.

— Я постоянно ничего не делаю.

Она посмотрела на него вопросительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.